

Глава 2. Старуха с чёрной кошкой

На третью стражу ночи тучи рассеялись, и на небе показались яркие звёзды и луна.

Дверь мастерской бумажных изделий на краю улицы Хуайань со скрипом приоткрылась.

Из неё выскользнул высокий силуэт в синих одеждах.

Тень замерла на мгновение под тёмным карнизом, и тут же из-за двери выскочила ещё одна, поменьше, и присела у ног незнакомца.

Синяя фигура сделала несколько шагов вперёд, оказавшись в полосе серебристого лунного света.

Это был молодой мужчина с кожей белой, как первый снег, и волосами чёрными, как свежие чернила. У него были глубокие, соблазнительные глаза-фениксы, брови, устремлённые к вискам, и губы, алые, словно киноварь. Его утончённое лицо напоминало таинственное и непредсказуемое ночное создание.

Он остановился посреди улицы и, присев на корточки, погладил тёмный комочек, тёршийся о его ноги.

Тёмный комочек тут же обмяк, обвив его руку.

— Мяу-ао! — внезапно взвизгнул комок, и мужчина поднял его за шкурку.

Он подошёл к соседней цветочной лавке и, небрежно взмахнув рукой, забросил чёрную кошку в плетёную корзину, стоящую у стены.

Когда Линь Цисуй снова открыл глаза, уже рассвело.

Он смотрел на потолок над собой, смутно припоминая события прошлой ночи. Резко сев, он обнаружил, что лежит в своей кровати, аккуратно укрытый одеялом.

«Неужели это был всего лишь сон?»

Он встал с кровати и открыл дверь. В гостиной на стуле по-прежнему сидел труп Линь Чанши, и никакой кошачьей позы не было и в помине.

— Фух...

«Наверное, это был просто кошмар», — он потёр лоб.

Но даже так, находиться в одной комнате с мертвецом ему больше не хотелось.

Вернувшись в комнату, он оделся, перевязал волосы лентой и решил, пока нет дождя, сходить в город. Нужно было как можно скорее найти кого-нибудь, кто поможет с похоронами Линь Чанши. К тому же, общение с людьми могло навести его на какие-нибудь новые зацепки.

— Паренёк Линь, выходишь?

Только пальцы Линь Цисуй коснулись засова, как за спиной раздался знакомый скрипучий голос. Это была Чжан-попо из цветочной лавки.

Линь Цисуй замер.

«Ну и ноги у старухи, и слух отменный».

— Да, — ответил он, не оборачиваясь.

— А твой отец?

— ...

— Умер. Вы же вчера сами видели.

Ночной кошмар испортил юноше настроение, и он отвечал резче обычного.

— А, — кивнула Чжан-попо, но на её лице не отразилось ни малейшего удивления. Словно выполняя какую-то формальность, она сухо продолжила: — А ты куда собрался?

Линь Цисуй потёр переносицу и терпеливо ответил:

— Искать кого-нибудь, кто поможет с похоронами.

— А, — безучастно кивнула старушка. — Тогда иди скорее, но до темноты обязательно вернись!

Внезапно по спине пробежал холодок. Линь Цисуй вздрогнул и резко обернулся.

Неподалёку от него, опираясь на клюку, стояла та самая иссохшая женщина. А на её плече сидела угольно-чёрная кошка.

Животное гордо выпрямилось и, не моргая, смотрело прямо на юношу. Эта поза, этот взгляд... снова напомнили ему о Линь Чанши из ночного кошмара.

— Паренёк Линь, до темноты обязательно вернись! — вдруг повторила Чжан-попо.

Линь Цисуй замер.

— Хорошо.

Сказав это, он отвернулся и зашагал прочь, больше не оглядываясь ни на старуху, ни на её кошку.

Улица Хуайань была полна людей. По обеим сторонам тянулись ряды лавок, из которых то и дело выходили и входили покупатели.

Линь Цисуй бесцельно брёл по улице, размышляя, куда обратиться по поводу похорон. Вскоре он увидел впереди Ичжуан. У входа стояли несколько крепких мужчин в холщовых одеждах и господин Сы в белом, что-то обсуждая.

Подойдя ближе, юноша заглянул внутрь. Неподалёку от них стояли похоронные носилки, на которых лежало тело, накрытое белой тканью. Похоже, они как раз обсуждали похороны этого человека.

Он постоял немного в стороне, но не смог разобрать, о чём они говорят. Поколебавшись, он всё же подошёл.

— Уважаемые, — обратился он, — у меня в доме покойник. Не найдётся ли у вас времени в ближайшие дни помочь с похоронами?

— Ещё один... — нахмурился один из мужчин. — Что-то в последнее время слишком много покойников.

— А этого послезавтра хоронить, — вздохнул другой, — а родня так и не объявилась. Свалили на нас, и всё тут.

— Нужно... ждать в очереди? — спросил Линь Цисуй.

Мужчины посмотрели на него, но промолчали. Зато господин Сы, заметив его утончённую внешность и юный возраст, любезно ответил:

— Боюсь, в ближайшие дни не получится.

Он указал на тело на носилках:

— Сначала нужно разобраться с этим, а потом уже сможем помочь вам.

— А сколько ждать? — нахмурился Линь Цисуй.

Становилось всё теплее, и если тело Линь Чанши пролежит ещё несколько дней, в нём могут завестись черви.

— Сложно сказать, — господин Сы тоже выглядел озабоченным. — Никто не знает, чей это человек. Тело лежит в Ичжуане, никто за ним не приходит. Максимум до послезавтра протянем, а потом придётся хоронить. А на следующий день свадьба у семьи Чэнь, нельзя портить людям праздник. Да и тело дольше не пролежит, сгниёт, завоняет, всем будет только мешать.

Линь Цисуй кивнул:

— Тогда я поищу кого-нибудь другого. Простите за беспокойство.

Господин Сы кивнул в ответ и снова повернулся к носильщикам.

Линь Цисуй тоже собрался уходить. Проходя мимо носилок, он почувствовал, как внезапный порыв ветра поднял край белой ткани, открыв лицо покойного.

Он мельком взглянул на него и замер.

На носилках лежал молодой человек лет двадцати с небольшим. У него была смуглая кожа и выразительные черты лица — должно быть, при жизни он был красив. Но сейчас его глаза были широко раскрыты и гневно смотрели вверх, а лицо и шея были покрыты синяками и запёкшимися ранами. Уши и нос были в застывшей крови. Он умер в мучениях.

Этот жуткий вид вызвал у Линь Цисуя неприятное чувство. Он отвёл взгляд и уже собирался уйти, как вдруг услышал рядом тихий, мелодичный кашель.

— Кхм-кхм...

Он вздрогнул и быстро посмотрел в ту сторону, откуда донёсся звук, но в толпе успел заметить лишь мелькнувший край синей одежды. Линь Цисуй посмотрел туда, где исчез силуэт, но не увидел никого, кроме старика, продававшего плетёные корзины.

Наверное... слышалось.

В последние два дня с ним происходило столько странного, что нет ничего удивительного в том, что у него разыгралось воображение.

Побродив ещё немного по улицам, юноша вернулся в мастерскую до наступления темноты. Чжан-попо из соседней лавки вынесла на улицу кресло-качалку и сидела в нём, греясь на солнце и баюкая на руках чёрную кошку.

Увидев его, она вся просияла:

— Паренёк Линь вернулся!

— Чжан-попо, — бросил Линь Цисуй в ответ, опасаясь, что она снова начнёт его донимать.

— Да, — улыбнулась старуха. — Паренёк Линь, а где твой отец?

Линь Цисуй замер.

Отделавшись от бесконечных расспросов, он открыл дверь мастерской и тут же наткнулся взглядом на труп отца, сидящий на стуле.

Линь Цисуй на мгновение застыл, затем, заперев дверь, нашёл какую-то тряпку и накрыл ею голову Линь Чанши.

«Раз уж пока ничего нельзя сделать, пусть хоть так. С глаз долой — из сердца вон».

С момента пробуждения его преследовали странности, и от первоначального шока Линь Цисуй начал постепенно впадать в оцепенение. На улице темнело, и он решил пойти на задний двор, чтобы приготовить себе что-нибудь поесть.

Он толкнул деревянную дверь, ведущую из гостиной во двор, и открывшееся зрелище снова заставило его вздрогнуть. Два угольно-чёрных гроба стояли бок о бок посреди двора, изголовьями прямо к нему.

Юноша глубоко вздохнул, опираясь о дверной косяк. Хотя его семья и владела Мастерской бумажных изделий, но гробы — это не бумажные цветы или фигурки. От одного их вида по телу

пробежал холод. К тому же, эти два гроба, один большой, другой поменьше, выглядели так, словно были приготовлены специально для него и его отца.

Но страх страхом, а он не ел целый день. После болезни организм был ослаблен, и поесть было необходимо. Линь Цисуй потёр пульсирующие виски, обошёл гробы и вошёл в пристроенную с восточной стороны кухню, где наскоро приготовил себе еды.

Поев, он поспешил вернуться в свою комнату. К этому времени уже совсем стемнело, и в помещении почти ничего не было видно.

Линь Цисуй снял обувь и верхнюю одежду, лёг на кровать и стал прокручивать в голове события дня. Похороны Линь Чанши всё ещё были под вопросом. До свадьбы дочери семьи Ван оставалось всё меньше времени, и он решил завтра больше не бродить по городу, а заняться бумажными изделиями. Нужно было смастерить то, что просила семья Ван, а потом разузнать о самой невесте.

С этими мыслями он постепенно провалился в сон.

Посреди ночи Линь Цисуй проснулся от холода.

Он потрогал себя — одеяло было на месте. Но холод был такой, что он дрожал всем телом, а зубы стучали друг о друга. Уснуть уже не получалось. Юноша сел, в темноте накинул верхнюю одежду, укутался в одеяло и прислонился к стене.

Он уже собирался так и провести остаток ночи, как вдруг из гостиной донёсся стук в дверь.

— Линь Чанши...

— Линь Чанши!

Снова раздался тот же скрипучий женский голос, что и прошлой ночью.

— Сколько уже сделано? Я пришла от дочки посмотреть!

Опять это существо. Линь Цисуй крепче сжал одеяло и промолчал.

— Линь Чанши! Открой дверь!

— Линь Чанши... Линь Чанши!

— Пусти меня! Пусти! Пус-ти!

— Тук! Тук! Тук!

Старушечий голос становился всё громче, а стук в дверь — всё яростнее. Юноша не обращал внимания.

— Старый хрыч! Открывай!

— Через два дня праздник, отдавай товар!

— Отдавай! Старый ты пень!

Видя, что он не реагирует, голос за дверью налился гневом. Существо колотило в дверь, выкрикивая ругательства, к которым примешивался отвратительный скрежет, от которого у Линь Цисуй по спине бегали мурашки.

Так продолжалось некоторое время. Снаружи не утихало. Хотя создание и не могло войти, но и уходить, похоже, не собиралось. Линь Цисуй целый день был на ногах, и сейчас его веки слипались от усталости, а натянутая до предела струна в голове грозила вот-вот лопнуть.

— Старый хрыч!

— Отдавай товар!

— Отдавай! Отдавай! От-да-вай!!!

Требования становились всё настойчивее. Юноша стиснул зубы и наконец не выдержал:

— Он умер!

За дверью наступила тишина. Затем снова раздался скрипучий старушечий голос, в котором слышалось глубокое недоумение:

— Умер?

Линь Цисуй молчал. Существо вдруг рассмеялось.

— Кхе-кхе-кхе...

— Умер — это хорошо!

— Я сама у него заберу!

Смех оборвался. После этих слов снаружи воцарилась тишина. Линь Цисуй не смел пошевелиться, затаив дыхание. Убедившись, что снаружи действительно тихо, он с облегчением выдохнул и повалился на кровать.

Но в этот самый момент... Снаружи раздался тихий щелчок. Дверь мастерской, кажется, открылась.

Линь Цисуй замер. Он резко сел и, вцепившись в одеяло, уставился на дверь своей комнаты. В темноте послышался шорох шагов.

— Щёлк.

Ещё один щелчок. Дверь его комнаты тоже открылась.

Зрачки Линь Цисуя сузились. Он, не отрываясь, смотрел на дверной проём, сжимая край одеяла. Порыв ледяного ветра пронёсся мимо, заставив его содрогнуться.

Внезапно в комнате затеплилась свеча.

<http://bllate.org/book/13453/1663020>